

Дэвид Брин

Дэвид Брин

БЫТИЕ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б 87

Серия «Фантастика!»
David Brin
EXISTENCE

Перевод с английского *О. Э. Колесникова*

Компьютерный дизайн *А. И. Смирнова*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA.

Брин, Дэвид.

Б 87 Бытие : фантастический роман / Дэвид Брин ; [пер. с англ. О. Э. Колесникова]. — Москва : АСТ, 2015. — 768 с. — (Фантастика!)

ISBN 978-5-17-084708-2

Дэвид Брин — американский писатель-фантаст, создатель прославленного цикла «Возвышение», сделавшего его одним из самых популярных авторов «жесткой НФ» 80-х годов XX века. Уже второе произведение Брина, «Звездный прилив», удостоилось трех престижнейших наград — «Хьюго», «Небьюлы» и «Локуса». Среди многочисленных литературных экспериментов Дэвида Брина — постапокалиптический роман «Почтальон», экранизированный Кевином Костнером, роман-катастрофа «Земля» о столкновении нашей планеты с черной дырой и, конечно же, «Бытие» — повествующий об инопланетном артефакте, меняющем жизнь миллионов землян.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© David Brin, 2012
© Перевод. О.Э. Колесников, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers,
2015

ISBN 978-5-17-084708-2

«Тросу» Джо Кэрролу,
который носится на настоящих космических
колесницах,
и «Доку» Шеддону Брауну,
который учит путешественников во времени,
и Ральфу Вичинанзе,
который помог расцветить многим мечтам
и мечтателям.*

---

* Джозеф Кэрролл — председатель «Tether Applications, Inc.», разрабатывающей орбитальные системы с использованием тросов. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПРАЩИ И СТРЕЛЫ

Тот, кто пренебрегает еще не совершенными ошибками, обречен совершать их.

Джозеф Миллер

РАЗНОВИДНОСТИ*

что важно? это я? или ир? + вопрос
кружится +/- как кружится мое тело !/+
в то время как чирикает окно-птица
«нормальные люди» так не мыслят -/-/-
и аспри тоже -/- и даже большинство аутистов
перестань кружиться! -/-
вот так -/- теперь назад к голоэкрану ->
дождь лепечет стучит по окну — птица
исчезла -/+ прячется от падающей
воды + + как я прячусь от гибнущей
цивилизации что же тогда важно?/?
прогресс? новое сознание? после
мозга, после библиотек, после паутины,
сетки, ир-решетки — что дальше?/
есть ли надежда/судьба неразумного
человечества +/? для ослепительного
сознания коббли +/?
для аутистов-гибридов, как я +/?

---

* Брин здесь подразумевает «увеличение разнообразия»: появление на Земле новых разновидностей разумных существ. Одна из них — аутисты (аути). Разделы «Разновидности» написаны языком этой особой разновидности людей, новой эволюционной ступеньки, своего рода «люденув». Ир — искусственный разум; аспри — больные синдромом Аспрегера, аутизмом в легкой форме. Коббли, упоминаемые здесь, — это, как пишет Брин, «мифические не-существа», в которых «верят неандеры и аути».

1

АМФОРУМ

Вселенная состоит из двух больших половин.

Полусфера сверкающих звезд нависает над Джеральдом справа. С другой стороны — коричнево-голубая Земля. Его *дом* по окончании этой работы — уборки мусора, оставленного предыдущим поколением.

Как зародыш в плодном пузыре, Джеральд плывет в хрустальном шаре, прикрепленном к концу длинной стрелы на некотором расстоянии от космической станции «Стойкость». Пузырь дрожит от пульсации станции, он в большей степени космос, чем станция.

Здесь Джеральд может сосредоточиться на сигналах, подаваемых спутником в ста километрах от него. Длинная узкая лента вращающейся фибры далеко над его головой.

Бола. Его колесница. Его рабочий инструмент.

Бола — моя рука.

Хвататель — моя кисть.

Магнитное поле — рычаг, который я поворачиваю.

Планета — моя точка опоры.

Обычно эта короткая песенка помогала Джеральду сосредоточиться на работе — работе прославленного мусорщика.

«Есть такие, кто мне завидует. Миллионы на этой тонкой пленке моря, облаков и берега».

Сейчас — в эту самую минуту, когда темнота быстрее звука накрывает кишашую людьми Суматру, — многие смотрят на него. Сумерки лучшее время, чтобы разглядеть большую старую станцию. Всякий раз как «Стойкость» пересекает терминатор, утром или вечером, Джеральд острее ощущает свою связь с человечеством, когда знает: люди смотрят на него.

«Сосредоточься, Джеральд. За работу».

Вытянув руку вдоль тела, он снова попытался передать напряжение далекому, в двух километрах от него, вращающемуся кабелю, как будто тот — непослушное продолжение его самого.

И кабель ответил. В нейро-сенсорном костюме запульсировали сигналы обратной связи, но они казались неправильными.

Сам виноват, понял Джеральд. Он посылает маленькому спутнику слишком стремительные и нетерпеливые приказы. Поблизости жалобно закричал маленький Хачи. Второй обитатель надувной камеры был недоволен.

— Ну ладно. — Джеральд взглянул на маленькую фигурку, тоже в собственном нейрокостюме. — Смотри не завяжи хвост узлом. Я все исправлю.

Иногда у обезьяны больше здравого смысла, чем у человека.

«Особенно у такого — опустившегося», — подумал Джеральд. Беглый взгляд в зеркало показал, как измялся его эластичный костюм, покрылся пятнами пролитого кофе и других жидкостей. Заросшие щетиной щеки кажутся впалыми, а сам он похож на больного, даже ненормального — особенно с этими густыми встопорщенными бровями.

«Если я в таком виде заявлюсь в Хьюстон, семья меня и на порог не пустит. Хотя, принимая во внимание, сколько жалованья накопилось...

Ну же, сосредоточься!»

Джеральд мрачно дважды нажал языком на левый малый коренной зуб и трижды на правый. Костюм ответил новой дозой Раствора Неспешности в бедренную вену. По телу разлились прохлада, вялость — все это должно было прояснить мышление...
...время словно бы поползло.

Теперь он успевал перехватывать сигналы обратной связи с далекой болой. И сильнее почувствовал себя частью тридцатикилометровой стрелы, которая неуклюже вращалась на высокой орбите. Пульсация электротока там, наверху, переводилась в легкий зуд здесь, внизу, пробегая по руке, плечу, скользя по спине и дальше по левой ноге к большому пальцу; там этот зуд словно *впивался* в поверхность, поддерживая равновесие. И когда Джеральд сделал рывок, далекий кабель-спутник отозвался и приложил усилие, опираясь на магнитное поле планеты.

Телеуправление. В эпоху повсеместного использования *ип* — искусственного разума — некоторые задания по-прежнему может выполнить только пилот, по старин-

ке. Даже такой, который плывет в пузыре вдали от подлинного места событий.

Немного усилим поток, чтобы замедлить вращение. Зуд в большом пальце ноги соответствует нескольким сотням ампер; электричество устремляется по привязи, усиливая магнитное притяжение. Кабель на фоне звезд чуть замедлил вращение.

Хачи, привязанный поблизости, возбужденно закричал в собственной паутине поддерживающих волокон. Так-то лучше, хотя капучина все равно нужно успокоить.

— Чуток ослабь натяжение, — буркнул Джеральд. — Я знаю, что делаю.

Впрочем, динамическая компьютерная модель соглашалась с Хачи и по-прежнему предсказывала, что будет нелегко схватить объект, когда конец привязи на короткое время сблизится... сблизится с тем куском космического мусора, который видел Джеральд.

Еще одна команда, переданная нажатием на зуб, и его теснее обступила темнота, позволяя отчетливее увидеть то, что происходило в сотне километров наверху, где в свете звезд вращался конец привязи. С такой высоты Земля казалась диском куда меньшего размера и заполняла только четверть неба.

Теперь все, что он слышал, чувствовал или видел, исходило от кабеля-робота. От лассо. От нити, проходившей через несколько созвездий.

Обезьяна всегда обезьяна.

Привязь стала телом Джеральда. Электрическое пощипывание вдоль спины, холодное дуновение — это ветер радиации Ван Аллена, захваченный магнитными полями, которые делали его смертельным на средних высотах от девятисот до тридцати тысяч километров.

Бермудский треугольник внешнего космоса. Человек в этом царстве проживет не больше часа. Астронавты «Аполлона» половину своей дозы радиации получили за те несколько минут, когда преодолевали этот пояс на пути к относительно спокойной и безопасной Луне. За короткое время прохождения этих средних высот дорогие спутники связи получают больше повреждений, чем за десятилетие пребывания на более высокой геосинхронной орбите.

Даже в короткую эпоху отчаянно смелых лунных экспедиций — и за еще более короткую эру Чжэн Хэ — ни 11

один астронавт не пересек радиационного пояса. Астронавты держались в безопасной зоне сразу над атмосферой, а Солнечную систему исследовали роботы. И это делало Джеральда парнем с передовой. С боллой вместо руки, с хватателем вместо пальцев он проникал далеко вперед и совсем немного погружался в вихрь. Никто, кроме него, не забирался так высоко.

Он ловил мусор.

— Ладно... — сказал он. — Где же ты?

Радар отслеживал цель, насколько это было возможно среди вихря заряженных частиц. Позиция и траектория продолжали меняться, объект уходил от захвата с таким проворством, что казался живым. Хуже того, хотя Джеральду никто не поверит, он готов поклясться, что траектория в этой аномальной зоне самопроизвольно перемещается на тысячные доли градуса — но это составляет десятки метров — и делает захват с помощью болы скорее угадыванием и искусством, чем физикой. Компьютерам еще многому предстоит научиться, прежде чем они отнимут у пары приматов и эту работу.

Хачи возбужденно заверещал.

— Да, вижу.

Джеральд сощурился: оптика на конце петли автоматически увеличила что-то блестящее прямо перед ней. *Цель* — вероятно, кусок космического мусора, оставленного предыдущим более расточительным поколением. Может быть, часть взорвавшейся второй ступени русского корабля. Или стыковочное кольцо времен полета «Аполлона». А может, капсула с человеческим прахом — их много выбросили в космос во время кратковременного увлечения таким способом погребения. Или след какого-нибудь нелепого эксперимента с оружием. Космическое командование утверждало, что нанесло на карты все засеченные радаром обломки величиной от десяти сантиметров.

Но Джеральд знал, что это не так.

Чем бы ни была эта штука, пришла пора ее убрать, пока она не столкнулась с другим обломком, породив каскад вторичных импульсов, — процесс, который уже заставил убирать или укреплять исследовательские спутники.

Сбор мусора совсем не романтическое занятие. Но и Джеральд не романтик. Нисколько не напоминая внешне героического астронавта с квадратным подбородком, он испытывал лишь легкое разочарование, когда изредка

смотрел в зеркало на лицо, покрытое морщинами из-за того, что часто приходилось морщиться: на орбите рассвет обрушивается на тебя каждые девяносто минут.

Но он по крайней мере способен на подвиг воображения — может представить, что действительно существует там, наверху. Что это его тело вращается в тысячах километров в вышине.

Иллюзия наконец стала полной. Джеральд превратился в болу. Тридцать километров тонкой соединительной нити, совершающей полный оборот за тридцать минут, пять раз во время каждого прохождения по орбите. А на обоих концах этой вращающейся нити — компактные пучки сенсоров (*мои глаза*), катодных эмиттеров (*мои мышцы*) и хватателей (*мои руки*), которые сейчас кажутся Джеральду частью его самого в большей степени, чем плоть. Более реальными, чем части тела, с которыми он родился и которые сейчас плывут далеко внизу, в тесноте космической станции. Далекое человеческое тело кажется ему почти воображаемым.

Как охотник и его верная собака, человек и обезьяна застали при окончательном сближении, словно звук мог спугнуть добычу, блесневшую перед ними.

«Какой-то странный блеск», — подумал Джеральд, когда телеметрия показала, что расстояние уменьшилось вдвое. Осталось несколько километров, а потом две орбиты сойдутся в сложном танце и петля схватит маленький объект как принимающий игрок, как акробат, который в воздухе ловит партнера, после чего...

...собственное вращение болы погасит инерцию объекта и отправит его в новом направлении. Через полповорота, когда этот конец петли будет *ближе всего к Земле*, хвататель выпустит объект и отбросит назад, на запад, чтобы он сгорел в атмосфере.

Самая легкая часть. К тому времени Джеральд будет пить кофе в защищенном жилом помещении станции. Вот только...

«Это не отброшенная вторая ступень ракеты, — думал он, разглядывая блеск. — Не грузовой контейнер, не разбитый топливный бак, не ледяной ком мочи, выброшенный экспедицией с участием людей». Теперь-то Джеральд уже знал, как отражают солнечный свет все виды обычного мусора — от старинных ракет и спутников до потерянных рукавиц и инструментов; все они в тени играют в прятки. Но эта штука...

Даже цвет у нее какой-то неправильный. Слишком синий. Слишком богатый *оттенками* синего. И уровень освещенности остается чересчур равномерным! Как будто у этой штуки нет ни фасетов, ни плоских поверхностей. Низко и встревоженно прозвучало вопросительное рычание Хачи. Разве можно прочно схватить предмет, если не знаешь, что там есть еще?

Когда относительная скорость приблизилась к нулю, Джеральд ввел поправки и выпустил из катодного эмиттера потоки электронов в оба конца кабеля, создав момент вращения против планетарного поля: этот прием позволял маневрировать без ракет или топлива. Идеально для медленной, терпеливой уборки мусора.

Теперь отработывал свой хлеб Хачи. Маленькая обезьянка вытянулась как макаронина, взяв на себя последние поправки — ее инстинкты были обострены миллионами лет свисания с ветки, — а Джеральд сосредоточился на самом захвате. Другой возможности не будет.

«Медленно и терпеливо... кроме последнего лихорадочного мгновения, когда тебе хочется иметь для работы с этим магнетизмом что-нибудь более быстрое. Когда хочется...»

Вот оно, прямо впереди. Что бы это ни...

Ринувшись навстречу, камера болы показала что-то блестящее, овальное, окрашенное пульсирующей синевою.

Рука Джеральда *стала* хватателем, он растопырил пальцы, потянувшись к объекту, который внезапно возник прямо перед ним.

«Не дергайся, — уговаривал он древние инстинкты, готовясь схватить эту штуку, чем бы она ни была. — Успокойся. Больно тут не бывает».

Но только на этот раз — необычным и удивительным образом — было больно.

МИРИАДЫ ТРОП ЭНТРОПИИ

Ненавидит ли нас Вселенная? Сколько засад подкарауливает впереди тщеславные сгустки молекул, чтобы снова превратить их в пыль, не способную мыслить? Можем ли мы рассчитывать на них?

Мужчины и женщины всегда чувствовали, что их осаждают: чудовища, бродящие во тьме; тираны-правители, воинственные соседи или капризные боги. Однако же люди всегда

винили себя, разве нет? Тяжелые времена они считали карой — за их собственное дурное поведение, за недостаток веры.

Сегодня нашим средствам самоуничтожения, кажется, нет числа (хотя «Рог изобилия Пандоры» постарается все их перечислить!). Мы, современные люди, смеемся над суевериями предков. Мы знаем, что им не под силу было уничтожить мир. Зато нам это по плечу! Зевс или Молох не могут тягаться с разрушительной силой обмена атомными зарядами, или с распылением смертоносных бактерий, или с нарушениями экологического равновесия, или с неверным управлением сложной иркономикой.

О, мы могущественны. Но так ли мы отличаемся от предков?

Не повинны ли в катастрофах (когда те происходят) наши собственные высокомерные ошибки? Неверные рассуждения? Какие-то упрямые верования? *Culpa nostra**. Не та же ли старинная формула покаяния звучит на руинах наших надежд?

«Мы не заслужили этого! наших сверкающих башен и золотых полей. Переполненных библиотек и набитых желудков. Долгой жизни и избалованных детей. Счастья. Но мы всегда ждем, что — по Божьей ли воле или от наших собственных рук, — все превратится в нее.

В пыль».

«Рог изобилия Пандоры»

2

БОЛЕЛЬЩИК

Тем временем далеко внизу камеры смотрели на запретную территорию, наблюдая за конфликтом, таким свирепым, что противники даже не могли договориться, как его называть.

Одна сторона называла эту борьбу *справедливой войной*, подвергающей опасности множество невинных.

Их противники утверждали, что жертв вообще нет.

И теперь подозрительные зрочки камер были начеку, стремясь заметить приближение врага. Замаскированные на вершинах холмов, или в кульвертах под шоссе, или под ни в чем не повинными камнями, они ждали, караулили ненавистного со-

---

* Наша вина (лат.).